

НАСЛЕДИЕ Ф. В. БУЛГАРИНА (1789–1859): ОПЫТ СОВРЕМЕННОГО ИЗУЧЕНИЯ

Е. В. Воднева

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск. Беларусь,
helena.vodneva@gmail.com*

С начала 1990–х гг. наблюдается всплеск интереса со стороны исследователей к личности журналиста Ф. В. Булгарина. В предшествующий период в оценках историков литературы Булгарин предстает как реакционный писатель, бесталанный журналист, редактор бульварной газеты и доносчик. В современном булгариноведении наблюдается широкая палитра мнений в отношении творчества журналиста, его роли в развитии русской литературы, системы взглядов и сотрудничества с III отделением императорской канцелярии.

Ключевые слова: Фаддей Булгарин; булгариноведение; историография; историки; литературная репутация.

THE LEGACY OF F. V. BULGARIN (1789–1859): EXPERIENCE OF MODERN STUDY

E. V. Vodneva

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, helena.vodneva@gmail.com*

Since the early 1990s there was a resurgence of interest from researchers in the personality of journalist F. V. Bulgarin. In the previous period in the assessments of literary historians Bulgarin appears as a reactionary writer, a no-talent journalist, editor of a tabloid newspaper and snitch. There is a wide range of opinions in modern historiography, regarding the journalist's work, his role in the development of Russian literature, the system of views and cooperation with the III department of the Imperial Chancellery.

Key words: Thaddeus Bulgarin; Bulgarian studies; historiography; historians; literary reputation.

Уроженец белорусских земель Фаддей (Тадеуш) Булгарин известен как российский журналист и литератор, автор первых российских правоописательных и исторических романов, фантастических рассказов, путевых заметок и фельетонов. В 1825 г. Булгарин основал первую в Российской империи частную газету «Северная пчела» и руководил ею более 20 лет. Булгарин стал автором записок в III отделение императорской канцелярии, в которых обозначал конкретные проблемы, существующие в российском обществе, и предлагал их решения. Выходец из белорусских земель добился высокого общественного статуса в

русском обществе и был известен всей читающей России во второй четверти XIX в.

В ходе полемики Булгарина с А. С. Пушкиным, П. А. Вяземским и другими литераторами вокруг проблемы отношений с читателем и профессионализации литературного труда к 1840-м гг. сложилась отрицательная репутация журналиста. Его представляли как оппонента А. С. Пушкина и безынтересного писателя; реакционера и редактора бульварной газеты, предателя и доносчика III отделения [8; 22].

Научное изучение личности Булгарина началось в начале XIX в. и продолжалось в рамках сложившейся негативной репутации вплоть до конца 1980-х гг. При этом деятельность Булгарина в основном изучалась в контексте полемики с другими литераторами [10; 21]. Историками литературы рассматривались события издательской и журналистской деятельности [4], анализировались стилистика литературных произведений Булгарина [11].

На современном этапе изучения личности и деятельности Булгарина можно выделить два направления.

Первое – изучение творческого наследия Булгарина в работах филологического и литературоведческого характера. В 2000-е гг. русскими филологами были защищены диссертации, посвященные прозаическому наследию Булгарина [13; 18], а также его литературной репутации и редакторской тактике [20]. Были сделаны важнейшие выводы о влиянии Булгарина на формирование лексики русского языка, создание новых жанров в литературе и построении совершенно новых отношений автора с читателем.

Второе – изучение этапов биографии (взаимоотношения с современниками, сотрудничество с III отделением), а также журналистской и редакторской деятельности Булгарина, условия формирования его взглядов. Здесь остановимся более подробно на оценках ряда исследователей.

Литературовед Н. Н. Акимова выделяет в своей работе два этапа деятельности Ф. Булгарина: 1) 1820–1825 гг. – этап становления его в качестве писателя: от литератора польского к известному русскому журналисту; 2) после 1825 г. – этап деятельности Ф. В. Булгарина, когда она становится олицетворением официальной консервативной позиции. Сотрудничество с III отделением, по мнению исследовательницы, стало частью «социально-идеологической программы» Булгарина, которое включало уважение к человеку независимо от должности, важность

частной инициативы, исполнение гражданского и нравственного долга [1, с. 77]. Также Н. Н. Акимова рассматривает личность и деятельность Ф. В. Булгарина в литературном контексте эпохи, соотносит его репутацию с процессом возникновения культурных мифов. Она считает, что «возникновение пушкинского мифа» повлекло за собой укрепление отрицательной репутации Ф. В. Булгарина [1; с. 147].

Среди современных работ в русле булгариноведения особый интерес представляют труды известного литературоведа, историка литературы А. И. Рейтблата. Рейтблат провел масштабную работу по поиску и публикации записок Булгарина [3]. Также он составил список публикаций о Булгарине с 1958 по 2018 г. (более 700 работ), которые посвящены творчеству Булгарина либо включают информацию о нем в контексте сопредельных тем [15, с. 564–604].

А. И. Рейтблат ввел понятие «булгаринская мифология». Он проанализировал направленные против Булгарина эпиграммы и продемонстрировал, каким образом отбор фактов и их интерпретация создали карикатурный образ литератора [15, с. 34]. Рейтблат считает, что Булгарин «проводил цельную и последовательную систему взглядов, которую можно определить как просветительский монархизм» [14, с. 30].

Автор предложил новый взгляд на наиболее сложный вопрос о сотрудничестве Булгарина с чиновниками III отделения императорской канцелярии. Он полагает, что Булгарин выступал в роли компетентного эксперта по кругу вопросов, регулярно представляя сведения текущего характера, а как редактор он обеспечивал в «Северной пчеле» соответствующую пропаганду [14, с. 31].

Традицию изучения Ф. В. Булгарина в польской историографии в ХХI в. продолжил историк П. Глушковский. Он обращает внимание на то, что руководство III отделения само инициировало переписку с Булгариным. Глушковский предполагает, что аналитические записки литератора влияли на политику российского самодержавия по польскому вопросу вплоть до 1831 г. [5, с. 151]. Более того, по мнению историка, Булгарин мог оказать влияние на министра просвещения С. С. Уварова по вопросу формирования государственной идеологии [5, с. 75].

Также П. Глушковский изучает эволюцию репутации Булгарина в Польше. На первом этапе (с рождения до 1815 г.) Булгарин считал себя одновременно поляком и «русским воином». Следующий «польский» этап (1815–1819 гг.) характеризовался первыми попытками Булгарина начать издательскую карьеру в Польше. Он познакомился с наиболее активными

представителями польского образованного общества, участвовал в деятельности польской просветительской организации «Общество шубравцев». На следующем биографическом этапе (1819–1830 гг.) Булгарин превратился из начинающего польского журналиста в известного русского писателя. Он публиковал в своих журналах статьи и рецензии, направленные на популяризацию польской культуры в российском обществе, помогал своим соотечественникам в Петербурге. В этот период, как пишет историк, Булгарин стал особенно интересен полякам и олицетворял собой пример умного и предприимчивого человека, которому удалось в чуждом ему по культуре и языку обществе достигнуть высокого общественного статуса. Однако позиция Булгарина в отношении восстания 1830–31 гг., которое тот считал бессмысленным, открыло новый этап в отношении поляков к Булгарину как к изменнику. Такая позиция со временем только усилилась в связи с определенной мифологизацией самого восстания. Негативная репутация Булгарина в Польше закрепилась благодаря ряду исследований польских историков второй половины XIX века (А. Брюкнер, Я. Кухажевский) [6, с. 404–405].

М. Салупере – известный архивист и литературовед Эстонии также интересовалась личностью Ф. В. Булгарина. Еще в конце 1980-х гг. Салупере отметила, что именно Булгарин воспитал аудиторию писателей 1840–1860-х гг., а также одним из первых заявил о необходимости гласности в России [16, с. 40]. В первую очередь она изучала тот период жизни Ф. В. Булгарина, который был связан с его нахождением в имениях Карлово и Саракусте. М. Салупере описала непростые отношения Булгарина и местных дворян, связанные с его позицией в отношении крестьян и ведения хозяйства. Дело в том, что в своих имениях он почти наполовину сократил барщину и налоги, добился расположения крестьян. Такие шаги Булгарина были восприняты местным дворянством враждебно и нередко находили выражение в конкретных акциях против него и распространении о нем ложных слухов [17, с. 147]. Кроме того, она подняла ряд вопросов, касающихся судьбы наследия талантливого писателя. Значительная часть его обширной библиотеки, содержащей редкие издания, экземпляры произведений европейских и русских авторов, а также его личный архив, включавший переписку со многими известными современниками, были утеряны в ходе нескольких войн и смены владельцев дерптского имения [17, с. 150].

Украинский исследователь, филолог М. А. Овчинников изучает прозаическое наследие Булгарина и включает его в европейский

литературный контекст. Он отмечает, что романы Булгарина стали продолжением традиции европейской и российской прозы XVIII – нач. XIX в. По его мнению, они содержали ответы на вопросы, которые волновали российское общество в 1830–е гг.: исторический опыт России, ее роль в международных отношениях, а также вопрос о правах человека. При этом исследователь считает, что окончательно на позиции консерватизма Булгарин перешел лишь в конце 1830–х гг., после восстания декабристов и до конца 1830–х гг. он высказывался лишь в рамках «благонамеренной сатиры» [10].

Американский исследователь Р. Лебланк также изучал прозаическое наследие Булгарина. Роман «Иван Выжигин», по его мнению, являлся «рупором просветительской идеологии Булгарина [7]. На основании событий романа Лебланк сформулировал социально-политическую программу Булгарина: с одной стороны – создание и поддержка среднего класса, реформирование дворянства, модернизация промышленности, рост торговли, распространение науки – в целом развитие России по европейскому образцу, с другой – сохранение национальных особенностей (язык, культура) и консервативный патернализм в социальной структуре российского общества [7].

Немецкая исследовательница М. Лекке занимается польским и украинским вопросами в русской литературе XIX в. На основании изучения художественных произведений и мемуаров Булгарина она предполагает, что Булгарин обладает талантом подстраиваться под обстоятельства. Лекке применяет по отношению к его личности термин «мимикрия» [23, с. 323]. К этому же понятию она относит его сотрудничество с III отделением [23, с. 321]. Данный термин в отношении Булгарина используется впервые. Стоит отметить, что исследовательница опирается в основном на англоязычные исследования по истории русской литературы, использует в работе только крупные литературные произведения Булгарина, оставляя за рамками публицистику и записки.

Среди белорусских исследователей нужно выделить работу, сделанную литературоведом А. И. Федутой. Он подготовил к изданию книгу избранных сочинений Ф. В. Булгарина в серии классиков белорусской литературы [2]. В своих работах Федута представляет читателям Булгарина прежде всего в качестве своего земляка, но не отрицает многогранную идентичность своего героя, включавшую польскую, литвинскую и российскую составляющие [19, с. 41].

Сотрудничество Булгарина с III отделением Федута называет «симбиозом акулы и рыбы-лоцмана». Он поясняет, что III отделение покровительствовало явному «сармату-либералу», а взамен получало полноценного эксперта по целому ряду вопросов (от настроений на землях бывшей Речи Посполитой до литературной проблематики) [19, с. 17]. Также Федута останавливается на понятии «донос» и считает, что это слово обозначает, в первую очередь, сообщение в компетентные органы про противоправительственную деятельность конкретного человека, т. е. донос обязательно подразумевает отношение к личности. Значительная часть булгаринских записок не касается конкретных людей и содержит обзоры тех или иных проблем и предложения по их решению. Многие записки, посвященные характеристике конкретных людей, содержат информацию, которая могла бы им посодействовать в устройстве на работу, облегчить участь в ходе следствия и т. п. [19, с. 18]. Причинами сотрудничества Булгарина с III отделением Федута назвал сохранение общественного положения и собственного дела [19, с. 19]. Исследователь обратил внимание на новую традицию взаимоотношений Ф. В. Булгарина с читательской аудиторией. Ее основные черты: поддержка автором господствующих среди читателей идей; установка на расширение читательской аудитории; отбор тем, которые максимально объединяли бы читающую аудиторию, например, история, нравственность [19, с. 38].

Как видим, в современной российской и зарубежной историографии (польской, эстонской, немецкой, американской) наблюдается большой интерес к осмыслению булгаринского наследия. В выводах исследователей Фаддей Булгарин предстает в образе не реакционера, а просветителя, не продажного агента, а талантливого журналиста и эксперта.

Библиографические ссылки

1. Акимова Н. Н. Ф. В. Булгарин: литературная репутация и культурный миф. Хабаровск: ХТПУ, 2002.
2. Булгарын Фадзей. Выбранае; уклад., прадм. і камэнтар А. І. Федуты. Мн.: «Беларускі кнігазбор», 2003.
3. Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. М.: НЛЮ, 1998.
4. Вацуро В. Э Северные цветы. М.: Книга, 1978.
5. Глушковский П. Булгарин: эволюция идеологических и политических воззрений. Первая половина XIX в. СПб.: Алетейя, 2013.

6. Глушковский П. Репутация Фаддея Булгарина в Польше // Ф. В. Булгарин – писатель, журналист, театральный критик. М.: НЛО, 2019. С. 392–408.
7. Лебланк Р. «Русский Жилблз» Фаддея Булгарина / пер. с англ. Е. Островской и А. Плисецкой [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. URL: <http://bulgarin.lit-info.ru/bulgarin/kritika-o-bulgarine/leblank-russkij-zhilblaz-bulgarina.htm>. Дата доступа: 01. 10. 2021.
8. Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература в 1826–1855 годах. СПб: Книгоизд-во С. В. Бунина, 1909.
9. Модзалевский Б. Л. Пушкин под тайным надзором. СПб: Парфенон, 1922.
10. Овчинников М. А. Нравоописательный роман Ф. В. Булгарина: автореф. дис. канд. фил. наук: 10. 01. 01 [Электронный ресурс] // Научная библиотека диссертаций: Человек и наука. URL: <http://cheloveknauka.com/nravoopisatelnyy-roman-f-v-bulgarina>. Дата доступа: 01. 10. 2021.
11. Покровский В. А. Проблема возникновения русского “нравственно-сатирического” романа. Л.: Изд-во АН СССР, 1933.
12. Селезнев М. Б. Литературная репутация Ф. В. Булгарина в литературно-эстетических дискуссиях 1820-1840-х годов : дис. ... канд. филол. наук: 10. 01. 01 – М.: РГБ, 2008 (из фондов Российской Государственной библиотеки).
13. Смирнова Ю. А. Поэтика нравоописательных романов Ф. В. Булгарина : дис. ... канд. филол. наук: 10. 01. 01 – М.: РГБ, 2006 (из фондов Российской государственной библиотеки).
14. Рейтблат А. И. Булгарин и III отделение // Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. М.: НЛО, 1998. С. 5–40.
15. Рейтблат А. И. Фаддей Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: статьи и материалы. М.: НЛО, 2016.
16. Саллупере М. Неизвестный Фаддей // Радуга. 1991. № 4. С. 30–41.
17. Саллупере М. Ф. В. Булгарин в Лифляндии и Эстляндии // Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее. Таллинн: Русский исследовательский центр в Эстонии, 2000. С. 146–161.
18. Федорова Ж. В. Историческая проза Ф. В. Булгарина, жанровое своеобразие : дис. ... канд. филол. наук: 10. 01. 01 – М.: РГБ, 2002 (из фондов Российской Государственной библиотеки).
19. Федута А. И. Перамога і паразда здаровага сэнсу, або Вяртанне Булгарына // Булгарын Фадзей. Выбранае. Мн.: «Беларускі кнігазбор», 2003. С. 5–42.
20. Шишкова Т. Б. Литературная позиция и тактика Ф. В. Булгарина-журналиста в 1820-е годы: формирование и развитие : дис. ... канд. филол. наук: 10. 01. 01 – М.: РГБ, 2009 (из фондов Российской Государственной библиотеки).

21. Эйдельман Н. Пушкин и его друзья под тайным надзором // Вопросы литературы. 1985. № 2. С. 128–139.
22. Brückner A. O literaturze rosyjskiej i naszym do niej stosunku dzis i lat temu trzysta. Lwow: H. Altenberg, 1906. 94 s.
23. Lecke M. Faddej Bulgarin: „Sprawa polska“ im Russischen Reich? // Zeitschrift für slavische philologie. Band 66. Heft 2. 2009. S. 317–337.